

вроде бы там свой салон и сдружился с Матиссом, которого высоко ценили наши "независимые", вместе с ним выставлялся. К началу "океанных дней" телеграмма о болезни матери побудила его срочно, налегке выехать в Одессу. Вернуться в Париж Теофилу Фраерману уже не удалось. Как пишет в своих воспоминаниях художник В. Поляков, "начав жизнь заново, он развил бурную деятельность реформаторского толка: пополнял музейные фонды, преподавал, создавал системы и тут же разрушал их, выступал на собраниях, ругался, острил. Человек живого ума, элегантно внешности, насвистывая, входил он с тросточкой в класс и весело, как бы между прочим, вел разговор о живописи".

...Нет, живописать словами работы "одесских парижан", а тем более давать им оценки я не собираюсь. Выставка в Музее русского искусства им. Цетлиных открыта — смотрите.

"Но мысленно на юбилее..."

На прошедшем юбилее одного из самых тонких, самых талантливых одесских художников, уже более тридцати лет живущего в прекрасном далеке — в городе Нью-Йорке — Ильи Шенкера. Недавно ему исполнилось 85!

Для меня это двойной юбилей — ровно полвека тому назад судьба подарила мне знакомство с замечательной парой — Илей Шенкером и его женой Ларисой.

Нет, полвека назад все было иначе. После школы я начала работать в Гипрограде, где и познакомилась с Лялей Швальбиной, молоденькой прелестной женщиной с поблескивавшими серебряными нитями ранней седины в густой шапке темных волос, переживавшей как раз в это время, очевидно, свой первый творческий успех — на Всесоюзном конкурсе архитекторов Ляля получила высокое признание, что у многочисленных друзей Ляли вызвало радость и до боли в скулах — зависть и раздражение у недоброжелателей. Может быть, Ляля тогда в первый, но не в последний, думаю, раз встретилась и с радостью, и с завистью ее окружающих. (Помню, друзья Ляли удивлялись, как это она не забыла денежную премию конкурса где-нибудь на стуле, на чертежной доске. Тогдашняя привычка Ляли оставлять кошелек, ключи и подобные "мелочи" в самых неожиданных местах вошла у ее коллег в поговорку.)

Родители меня всегда учили, что к старшим нужно обращаться по имени-отчеству. И хоть я только окончила школу, а Ляля недавно институт, я, помня родительские наставления, стала (по-моему, единственная в Гипрограде!) обращаться к ней по имени-отчеству: Лариса Иосифовна. Ляля меня высмеяла, и с тех пор, хоть давно она известна под "взрослым" именем — Лариса Шенкер, для меня она остается — да простится мне эта слабость! — Лялей Швальбиной тех далеких лет.

Правда, вспоминается, что задолго до знакомства с Лялей я слышала от моей мамы с благодарностью произносимое имя "доктор Уланицкая". Потом и сама за какой-то справкой оказалась в районной поликлинике, в районе Вознесенского переулка, и после суতোлки коридора попала в кабинет к доктору Уланицкой, очаровавшей меня и благородной внешностью, и внимательным участием, и безукоризненной интеллигентностью. Я поняла свою маму.

Доктор Уланицкая была мамой Ляли Швальбиной.

Я вспоминаю Гипроград тех лет и многих-многих работавших там лю-

дей и с восхищением, и с благодарностью, и с печалью. И Рашель Абовну Владимирскую: "Валечка, почему вы не хотите у меня работать?!" — "Рашель Абовна, я вас боюсь!" — по простоте душевной отвечала я. Рашель Абовна славилась строгостью и взыскательностью, а я не отличалась рвением в работе над чертежной доской...

И Ноэми Григорьевну Мильграм, с которой я ездила в командировки, и она открывала мне прелесть провинциальной архитектуры. И Александра Ивановича Николаева, отсидевшего в сталинских лагерях, вернувшегося оттуда совершенно глухим. Мы сидели с ним одно время рядом, больше переписывались, а во время прогулок в обеденный перерыв он рассказывал о "Юрке Олеше", они были одноклассниками в гимназии, играли в футбол, а потом встречались на "Зеленой лампе". Я прочла в "Литературке" сообщение о смерти Юрия Олеси и утром, придя на работу, написала Александру Ивановичу: "Умер Олеша". Он схватился за голову, и я услышала подобие глухого стоны... Как же невежественна я была, почему ничего тогда не записала из его воспоминаний? Почему так мало спрашивала?!

И Людмилу Николаевну Павловскую, с таким тактом вписавшую новый дом на углу Пушкинской и Жуковского, и это среди помпезности сталинского новостроя.

Словом, вспоминать можно и должно многих. Но именно Ляля Швальбина ввела меня в свой дом, познакомила со своим мужем — Ильей Яковлевичем Шенкером. И теперь, полвека спустя, возвращаясь в то далекое время, я поняла, что именно они, Ляля и Илья, для меня, только-только окончившей школу, стали первой художественной академией. Может, нескромно, но все же могу сказать, что девочкой я была начитанной, ходила в музеи, на выставки, в библиотеки. Но живая живопись! Это впервые — Илья Шенкер.

И сейчас, проезжая, проходя по Екатерининской на квартале между Малой Арнаутской и Пантелеймоновской (хоть мне больше нравится сохранившееся в литературе название улицы Новорыбная), я задираю голову вверх и с нежностью смотрю на окна последнего (высокого!) этажа старого дома.

Счастливая "Голубятня"! Там жили родители Ляли (отец тоже был врачом) и Ляля с Ильей.

Илья из архитектурного института ушел на войну, отвоевал все четыре года, вернувшись, окончил архитектурный, но одновременно учился живописи у Теофила Борисовича Фраермана. Причащение к Гармонии

через архитектуру (в те времена было у кого учиться) и бесценные уроки Фраермана, а также воздух, свет, прозрачные цветные тени Одессы, ее среда, живописные обитатели ее домов и улиц и были, очевидно, той основой, на которой и выросло, отточилось, отгранилось, расцвело, засияло тихим светом творчество художника Ильи Шенкера.

Когда Ляля познакомила меня с Ильей, введя в их дом, у него и мастерской не было. Узкая маленькая комната с единственным окном — она и была его мастерской в те времена. Для меня здесь все было откровением, и краски, и уже написанные акварели, и многочисленные рисунки, но, прежде всего, сам Мастер.

Боже мой, — думаю я, — ведь когда мы познакомились, Илье было всего 37 лет. Но он не просто мне, девчонке, казался мудрецом, он и был уже тогда мудрым. Это была библейская мудрость его народа, мудрость цадиков местечек, из которых родом были его предки, это была мудрость человека, сполна познавшего горечь и жестокость войны, фронтового лиха и послевоенного лихолетья с его "борьбой с космополитизмом" и "делом врачей", перенесшего утрату своих учителей — Г. Готтельфа и Т. Фраермана...

За тридцать семь лет Илья Яковлевич пережил уже столько, что могло бы хватить на несколько жизней. Но испытания не ожесточили его. Он и в те, такие молодые годы, был не только мудрым, но и ироничным, веселым, общительным, доброжелательным, щедрым человеком. Этот список можно продолжать и далее.

Не знаю, не могу судить, за что судьба оказалась так расположена ко мне, что подарила мне не просто знакомство, но доброжелательное отношение Ильи и Ляли ко мне. Не только я с предвкушением радости от общения с ними часто поднималась в их "поднебесье", но и они заходили за мной, в мое "подземелье". (Именно от Ляли и Ильи я впервые услышала: "Надо тебе познакомиться с Женей Голубовским!". Как-то мы шли втроем по Большой Арнаутской. От Ришельевской нам навстречу шел молодой человек в коричневом пальто и шляпе (!). Шел очень быстро (теперь я думаю, бежал за каким-нибудь книжным раритетом). Мои спутники и молодой человек, не останавливаясь, поздоровались. "Это Женя Голубовский", — услышала я и оглянулась. Знать бы!...) Однажды мы втроем пошли в филармонию, где я и познакомилась с Женей Голубовским... Они водили меня к своим друзьям, и я до сих пор помню, какое впечатление произвела на меня библиотека Жанны и Лени Бериных (я еще не была знакома с Женей Голубовским и его библиотекой!). Случались и смешные истории. Однажды, это было первого или второго мая, Илья и Ляля зашли

за мной, а на улице стоял незнакомый молодой человек. "Саша Фрейдин", — представился он. Мы дошли до Потемкинской лестницы, где рядом, над Луна-парком, было кафе-мороженое. Мы втроем разговаривали, смеялись, Саша сидел молча. Вдруг он прикрыл ладонью лицо, я, ни о чем не догадываясь, только успела участливо спросить: "Вы себя плохо чувствуете?" — как на мой вопрос последовал материализованный ответ. До встречи с нами Саша уже "отметил" Первомай. Многие годы спустя мы с Сашей весело вспоминали наше первое знакомство. А тогда Илья и Ляля сетовали: "Вот, называется, познакомили молодого человека с девушкой!".

Но особенно часто мы гуляли по Одессе, над морем. Как-то майским днем мы, гуляя, дошли до Лермонтовского курорта и присели на траву под тенистыми деревьями. Солнце пробивалось сквозь листву, по траве прыгали солнечные зайчики. Илья и в такие прогулки, в это одесское "dolce far niente", брал альбом и карандаши. Через полчаса, может быть, на бумаге появился набросок. Через какое-то время Илья тронул его акварелью, и уже в июле подарил мне мой портрет. На нем дата и подпись "Шенкер. 12.VII.1958". Он висит на стене, как маленькая драгоценность, и, глядя на него, я вспоминаю симоновские строчки: "И, постарев, владельца одна себя к своим портретам приревнует"...

Илья несколько раз меня писал. И всякие истории случались. Помню, как однажды он написал совершенно волшебный портрет, там, наверху, на Екатерининской. Во время работы Илья рассказывал то грустные, то веселые истории. В тот раз он вспоминал своего старшину в авиаполку во время войны. История в артистическом исполнении Ильи была очень смешная. Я до сих пор помню, как Илья воспроизводил завершение монолога злившегося на кого-то старшины: "От яхидный — ложками стучить!". Я уже падала от смеха и то ли я подтолкнула Илью, то ли он, видя мою неудержимую реакцию, сделал неверное движение, но, о Боже, на моем мокром акварельном глазу появилось непоправимое пятно. Было не до смеха, так жалко было изуродованный портрет. Но Илья оставался самим собой. Через какое-то мгновение он написал на месте пятна черную повязку и воскликнул: "Все, Валя, будете Кутузовым!". О Моше Даяне мы тогда еще не знали...

Но этот случай ничто по сравнению с другой моей провинностью. Рисовавший в начале своего живописного пути только акварелью, Илья во второй половине пятидесятых все чаще и чаще обращался к масляной живописи. Он задумал большую композицию маслом и попросил меня попозировать еще на стадии пленэрных этюдов. Я с радостью согласилась.

Илья и Ляля приходили на склоны Отрады, я усаживалась на траву, Илья писал, Ляля что-нибудь рассказывала, иногда уходила к подруге, которая жила рядом, на Отрадной улице. Мы встречались по будним дням после работы, в долгие предзакатные часы одесского лета. Однажды мы договорились встретиться в воскресенье, в ставшее уже привычным время.

Воспользовавшись воскресным днем (в те годы суббота была еще рабочим днем, правда, Никита Сергеевич сократил в субботу рабочий день на два часа, и мы долго не могли к этому привыкнуть!), я с компанией сверстников отправилась на пляж, в Отраду, целый день купаясь, загорая, опять купаясь до посинения, опять загорая... Солнце уже начало клониться к закату. "Боже, меня же ждет уже Илья Яковлевич!". Набросив на себя сарафан, я полетела вверх по крутым склонам Отрады. Слава Богу, не опоздала, радовалась я, увидев идущих навстречу Илью и Лялю. Рано радовалась! Увидев меня, Илья воскликнул: "Валя, что вы сделали!" — и с горькой обреченностью махнул рукой. Я растерялась и стала оглядываться по сторонам, одергивать сарафан, может, прилип к мокрому купальнику? "Валя, лицо, лицо!" Вместо привычной бледности, которая, очевидно, входила доминантой в живописный замысел художника, мое лицо полыхало красным пламенем одесского загара. Деликатнейший Илья Яковлевич все же предложил мне сесть на мое место среди пахучих отрадненских трав, взялся за кисть, но ясно было, что писать ему уже не хотелось. Краснорожее пятно разрушило весь тонкий колористический строй. Я чувствовала себя преступницей, темпераментная Ляля из-за спины мужа грозила мне своим маленьким кулачком. Больше в Отраду мы не возвращались...

Потом я уехала в Ленинград, в университет, а когда вернулась, мы с Женей Голубовским стали бывать у них в другой квартире, на Новорыбной угол Новой. К этому времени у Ильи уже была мастерская на Большой Арнаутской угол Белинского.

Именно туда мы уже водили своих друзей — из Москвы, из Питера. Блестящий талант художника осваивал все новые пространства. Прежняя верность акварели и мощная масляная живопись соседствовали с графикой — его Дон-Кихота знала не только вся Одесса, шенкеровский рыцарь из Ламанчи на своем Росинанте прошел по необъятным просторам бывшего Союза. Вдохновенный пушкинский цикл гравюр стал событием в отечественной художественной Пушкиниане. Я счастлива, что наша дочь, работая над изданием Одесской главы "Евгения Онегина" в переводе на несколько европейских языков, получила разрешение Ильи Яковлевича и использовала его мотивы в оформлении этой книги.

Моя последняя встреча в качестве натурщицы с Ильей Яковлевичем была в 1966 году. Он в это время писал портрет Петра Тодоровского. И мой портрет. Моделью я по-прежнему была бездарной. Однажды пришла не в той юбке. В тот раз Илья Яковлевич не церемонился, он мне уже выдал и за "Кутузова", и за загар Отрады, и за юбку сполна! Моей любви к нему от этого не убавилось.

А потом начался исход. Уехали и Шенкеры. И пространство Одессы стало сжиматься, как шагреневая кожа...

Ляля Швальбина стала Ларисой Шенкер, знаменитым редактором журнала "Слово/Word", который я смотрю в интернете, Илья знаменитым художником, выставки которого — событие, о котором много пишут в престижных изданиях.

А что пишу я? Конечно, не искусствоведческий очерк. Чем завершить этот текст? Может, строчками из того же стихотворения Бориса Пастернака, слова которого я вспомнила и поставила как заголовок.

"Вы — подлинность, Вы —обаянье, Вы вдохновение само. Об этом всем на расстояньи пусть скажет Вам мое письмо".

Так что это, "цветы запоздалые" к прошедшему юбилею?

Нет, все-таки запоздавшая на полвека благодарность за "Голубятню", за "Кутузова", за Отраду, за то, что жили в Одессе Илья Шенкер и Ляля Швальбина, чьи имена волшебным образом рифмуются и продолжают друг друга.

Илья и Ляля.

Ляля и Илья.

"Золотое дитя"

Наш давний автор

Одесситы постарше хорошо помнят Илью Ефимовича Илюшина. Ученик легендарного профессора Столярского, десятиклассник школы, носящей его имя, он 22 июня 1941 года должен был играть свой выпускной концерт, но пришлось сменить скрипку на трехлинейку...

После войны Илья закончил консерваторию, работал ведущим артистом симфонического оркестра Одесской филармонии, театральным дирижером.

Одесситы запомнили И. Илюшина и как активного журналиста, который 35 лет был собкором газеты "Советская культура", автором других центральных и местных изданий. Он награжден и за ратный труд, и за успехи в искусстве и журналистике.

Сейчас Илья Ефимович живет в США, и несмотря на весьма зрелый возраст и недуги, активно сотрудничает с русскоязычными изданиями Нью-Йорка.

В наш альманах он прислал заметки о встрече со знаменитым скульптором, ветераном Великой Отечественной войны Эрнстом Неизвестным. Беседа относится к тому времени, когда он работал над скульптурой "Золотое дитя", установленной перед одесским морвокзалом.

Феликс КОХРИХТ

Мне посчастливилось — Эрнст Неизвестный пригласил в свою мастерскую в нью-йоркском Сохо (район выставочных залов и галерей). В просторном светлом помещении тесно от множества его работ. Стоя на высокой лестнице, ваяет "Золотое дитя" и беседует со мной.

— Это модель будущего монумента "Золотое дитя", — говорит он. — Установят его в Одессе в дни празднования 200-летия города в сентябре 2004 года.

...Весной 1944 года наша воинская часть вошла в Одессу. Город только был освобожден от фашистских оккупантов. Приказом по 86-й гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте, за проявленную доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды гвардии младший лейтенант Неизвестный Эрнст Иосифович, командир стрелкового взвода 260-го гвардейского полка.

Фронтовик Неизвестный прошел по многим военным дорогам. Был тяжело ранен. Две "похоронки" получила его мать. В апреле 1945 года